

20. Орден российских тамплиеров. Т.1. Документы 1922 – 1930 гг. М.: Минувшее, 2003. – С. 16 – 17, 39 – 40.
21. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: Лениздат, 1971. – 542 с.
22. Покровский Георгий Константинович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pokrovski_gk.php. – Дата доступа: 12.12.2013.
23. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.
24. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
25. Сафонов Михаил Иванович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/safonov_mi.php – Дата доступа: 12.12.2013.
26. Скрипилев Е. А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1982. – 216 с.
27. Сокольников О. Ф. Из истории борьбы большевиков Псковщины с мелкобуржуазными партиями в Советах в период установления и упрочения Советской власти (октябрь 1917 -1918 гг.) // Материалы X научной конференции кафедры истории КПСС Псковского пединститута им. С. М. Кирова: Общественные науки. Вып. 1. Ч. 1. Псков: [б. и.], 1967. – 127 с.
28. Солдатов Леонид Константинович [Электронный ресурс]: Жертвы политического террора в СССР. – Режим доступа: http://vizz.nlr.ru/search/lists/arch1/241_20.html. – Дата доступа: 12.12.2013.
29. Социалистическая делегация в Пскове // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 12 мая.
30. Спирин Л. М. Россия: 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. – 337 с.
31. Тени хутора Морозовка // Печорская правда. 2013. 22 марта.
32. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917-1918 гг.: Сб. документов. Сост. Ф. И. Буниной, Р. Я. Окуновой, М. В. Клецкиной. – Псков: Псков. правда, 1957. – 254 с.
33. Уткин Василий Иванович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_u/utkin_vi.php. – Дата доступа: 12.12.2013.
34. Цветков Н. А. Служили верой и правдой... (О роде Беклешовых XVI – начала XX вв.) // Псков. 2002. № 17. С. 82 – 88.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И СУДЬБЫ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ

А.В. Филимонов

Псков, Псковский государственный университет

Одно из основных программных требований РСДРП – ликвидация помещичьего землевладения – в течение длительного времени не содержало в себе развернутых положений о путях его конкретной реализации, а тем более о судьбе дворянских усадеб. Лишь в Апрельских тезисах В.И. Ленина и решениях 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП 1917 г. было выдвинуто предложение об организации на базе отдельных помещичьих имений крупных образцовых хозяйств. «Необходимо, – указывал В. И. Ленин, – создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 дес. по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцовых хозяйств под контролем батрац-

ких депутатов и на общественный счет» [1, с. 115]. Таким образом, для большевиков дворянские имения представляли интерес прежде всего с экономической точки зрения. Но в указанных документах полной ясности о судьбе их не было. Что, например, следовало делать с имениями, располагавшими земельной площадью менее 100 десятин? Расплывчатая формулировка «по определению местных учреждений» открывала условия для произвольного ее толкования на местах и фактически отдавала усадьбы на суд волостных и уездных органов.

Эта же линия закреплялась и в Декрете о земле, где было записано: «...Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, оранжереи и т. под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование сельских общин в зависимости от размера и значения их...» [3, с. 16]. Следовательно, речь шла о создании на базе имений первых совхозов, но основой для их организации могли послужить далеко не все, а лишь *образцовые* с точки зрения постановки хозяйства, каковых из всех имевшихся было меньшинство.

В Псковской губернии значительная часть имений принадлежала столичной знати, для которой они служили лишь местом летнего отдыха и развлечений и велись без всякого хозяйственного плана, и, следовательно, базой для организации совхозов явиться не могли. Не удовлетворяло требованиям большинство имений и по своим размерам, ибо в губернии преобладало среднепоместное дворянство. Бесспорно одно: все без исключения имения подлежали конфискации и национализации, а судьбу их предстояло решать в каждом конкретном случае. Декрет о земле содержал среди прочих и такое важное положение: «Помещичьи имения... со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов... Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом». Указанным органам Декрет предписывал составить точную опись всего усадебного имущества [2, с. 24]. По указанию В. И. Ленина Наркомпрос 4 ноября 1917 г. опубликовал воззвание к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам с призывом охранять исторические и художественные памятники; в том же месяце при Наркомпросе была создана специальная «Комиссия по делам музеев и охране памятников искусства и старины». Все это создавало законодательную основу для сохранения усадеб, ставших отныне народной собственностью. Но события развивались в другом русле, и местные органы власти нередко противостоять разрушительным тенденциям не могли.

Вековую ненависть крестьян к помещикам, подогреваемую различными агитаторами и радикальной прессой, оказалось невозможным удержать в необходимых рамках. Она вылилась в массовые погромы имений и расхищение их имущества еще до захвата власти большевиками и принятия Декрета о земле – весной 1917 г. По данным Главного земельного комитета в течение весны – лета 1917 г. в Псковской губернии было свыше 100 крестьянских выступлений, связанных с захватами помещичьих земель и имущества, порубками лесов и потравками посевов и покосов. В четырех случаях выступления сопровождалось разгромами имений. Так, например, в марте 1917 г. было разгромлено имение «Минкино» Великолукского уезда, расположенное в семи верстах от станции Новосokolьники и принадлежавшее вдове генерала Чагиной. В усадьбе помещицы Могилатовой, которой принадлежало свыше 4000 дес. земли Порховского уезда, были сожжены все хозяйственные постройки, а скот и инвентарь распределены среди малоимущих [4,

с. 42; 5, с. 56, 78]. Порубкам нередко подвергались не только леса. Беспощадно вырубались усадебные парки, в которых произрастали редкие и диковинные деревья, декоративные кустарники, а насаждения были произведены по определенному плану. Если даже и уцелели постройки, единые природно-архитектурные ансамбли усадеб в результате порубок были нарушены.

Волну погромов не остановили и строгие меры, предусмотренные Декретом о земле, особенно в тех местах, где принятие имений на учет и проведение описи их имущества по каким-либо причинам задерживалось. В результате продолжавшегося по инерции погромного движения в конце 1917 – начале 1918 гг. в Порховском уезде был разграблен ряд имений в Дубенской, Михайловской, Тишинской волостях. В имении «Харижи-Батово» Дубенской волости были даже разобранные по бревнам и увезены некоторые постройки; растащена часть строений в имении «Чистоха», не говоря уже о хлебе, инвентаре и имуществе [6, с. 77]. «Крупный помещик Львов, почуя, что настал конец ихней волюшке и сидеть в имении стало опасно, бросил все и удрал неизвестно куда, – вспоминал крестьянин Ф. А. Антонов из д. Никулино Новоржевского уезда. – Было у него довольно богатое имение. Пришлось этим имением поживиться ближайшим имениям, и тут было приступлено к окончательному разгрому: бери, ломай и жги, – все вещи были разобраны, скот был угнан, винокуренный завод, полный спирта, сожжен» [7, с. 184-185]. По свидетельству другого крестьянина, аналогичные явления наблюдались и в Великолукском уезде: «Осенью 1917 года происходили разгромы, поджоги и порча всего помещичьего имущества... Руководителями всего крестьянского движения были солдаты, возвратившиеся с фронта, и приехавшие из Петрограда рабочие» [8, с. 214].

Стремясь остановить волну погромов, в результате которых часто гибли бесценные шедевры, Верховный Совет Северо-Западной области в развитие Декрета о земле 2 января 1918 г. распространил особое предписание об охране культурных ценностей при конфискации имений, что, однако, не обеспечило надежной сохранности последних. В феврале 1918 г. дополнительным катализатором стихийных разгромов послужило германское нашествие, затронувшее часть территории Псковской и Петроградской губерний. В захваченных местностях часть усадеб была разграблена немцами, не гнушались этим и красноармейские отряды, а в нейтральной полосе вспыхнула волна мародерства и бандитизма. Жертвой варварства стал и «Пушкинский уголок»: 18 февраля 1918 г. было сожжено Тригорское, а 19 февраля эта же участь постигла Михайловское. О том, что осталось от заповедных мест, свидетельствуют акты, составленные 28 апреля 1918 г. членами культпросветотдела Опочецкого уисполкома и Воронежского волостного Совета. Они зафиксировали, что большинство построек оказалось уничтоженной, а небольшое их сохранившегося «превращено в хаотическое состояние», на территории усадеб – обломки дерева, кирпича, стекла, куски бумаг, «от мебели не сохранилось и следа», «в саду полнейший беспорядок», разломаны и расхищены рамы, клумбы частью изрыты... Сделано заявление о принятии мер о розыске похищенных из библиотеки книг, причем часть книг из библиотеки села Михайловского... обнаружена в другой библиотеке в Святых Горах, которые сданы на хранение библиотекарше Александровой». В этих актах содержались имена крестьян, которым были проданы те или иные постройки» [9, л. 8-9].

Разрушениям подверглись не только помещения, но и заповедные рощи. В мае 1918 г., например, в статье «Милые дубравы», опубликованной в оккупационной газете «Псковский вестник», некто Г. Тарасов с горечью писал: «Тригорский парк вырублен местными крестьянами. От старых тенистых аллей, молчаливых свидетелей

пушкинских прогулок, остались лишь одинокие пни. В Михайловском разобран домик няни поэта. Крестьяне растащили по бревнам полуистлевшую постройку... Таким образом, от Тригорского и Михайловского остались в буквальном смысле одни воспоминания». В конце статьи автор восклицал: «Дай бог, чтобы уничтожение Тригорского парка не оказалось трагическим символом грозящей нам насильственной гибели всей русской культуры» [10, 14 мая]. Может показаться, что «Псковский вестник», издаваемый германской администрацией, сознательно сгущал краски. Но об этих же фактах сообщала и официальная советская газета губернии – «Псковский набат», при этом информации следовали и в 1919, и в 1920 гг. Вот некоторые из них: «В с. Михайловском и Тригорском окрестными крестьянами произведена порубка парка» [12, 21 января], «Крестьянами Воронежской волости беспощадно уничтожаются рощи села Михайловского и Тригорского» [13, 7 апреля]. В октябре 1920 г. опубликовал специальную статью «А. С. Пушкин и Пушкинский уголок» псковский писатель Никандр Алексеев. «Шайка поджигателей не ведала, что она делала позорное революционное дело», – писал он [13, 22 октября].

Местные жители действительно вряд ли осознавали, что делали. Не случайно нарком просвещения А. В. Луначарский во время посещения Пушкинских мест в июне 1926 г. в беседе с крестьянами поставил перед ними вопрос: «Как же так получилось, что была сожжена усадьба нашего великого писателя Пушкина?», и в ответ услышал: «А к нам, товарищ комиссар, пришло из волости распоряжение – жечь все барские усадьбы» [15].

Печальная участь постигла и ряд других мест, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Так, в феврале 1918 г. были разгромлены имения «Старое село», «Голубово» и «Михалево». «Погибли культурные уголки, погибли и те сокровенные кузницы человеческой мысли, которые так давно и с такой любовью библиотека, собиравшаяся с начала XVIII в. и содержавшая более 8600 томов. В имении Голубово, которое посещал наш поэт Пушкин, и по рисункам которого был разбит парк, уничтожена очень ценная русская библиотека времен Пушкина, погибли портреты работ Левицкого и Боровиковского, старинные гравюры и акварели, вековой парк пошел на дрова» [10, 8 июня].

Отдельные крестьяне начинали осознавать бессмысленность погромов и разграблений и с горечью отзывались о необдуманных поступках своих односельчан. Так, по поводу разгрома имения Яхонтова в с. Духново Опочецкого уезда, где была «вся мебель поломана, библиотека разорвана, стекла выбиты», один из крестьян писал: «Зачем же бить и ломать? Не лучше ли было дом приспособить для местных нужд? Разгромленное помещение было бы очень хорошей школой. А книги? Можно было бы после сортировки книг устроить в волости хорошую библиотеку» [12, 13 февраля]. Справедливое, хотя и запоздалое признание!

Гибли и расхищались не только библиотеки и мебель, но и скот и инвентарь – то, на основе чего предполагалось создавать «показательные хозяйства» и совхозы. Не удалось сохранить в неприкосновенности даже «образцовые» имения, каковыми в Псковской губернии из более чем 1000 имевшихся до революции были признаны только 63 [16, с.15]. В результате категорию их пришлось еще более сократить, исключив разгромленные. Акты состояния совхозов, составлявшиеся с 1918 г. и в начале 1920-х гг., подтверждают правоту одного из организаторов совхозного строительства М. И. Лациса о том, что советские хозяйства представляют из себя «откромсанный остов прежней экономии» [17, с. 16]. В них, как правило, было намного меньше, чем в прежних имениях, скота и инвентаря, зачастую не осталось вовсе семян и кормов. Например, назначенный в 1923 г. заведующим

совхоза «Приютино» (близ Пскова, бывшее владение Кангера) писал: «Совхоз «Приютино»... представляет самый жалкий вид. Все постройки в большинстве полуразрушены. Для приведения в мало-мальски порядочное состояние потребуются громадные средства, каковых совхоз совсем не имеет» [18, л. 50]. Состояние это отчасти объясняется тем, что имение в 1919 г. находилось в зоне военных действий между «красными» и «белыми». Но не лучшим было состояние и тех усадеб, которые подобной участи избежали. Пагубно отразилось на состоянии последних и то, что хозяевами их становилось одновременно несколько учреждений.

Так, имение «Алтун» Новоржевского уезда, принадлежавшее до революции помещику Львову, стало в годы Гражданской войны одновременно детской колонией и совхозом военного ведомства. В акте 1920 г. отмечалось, что большинство построек в усадьбе (жилых, хозяйственных, трехэтажный барский дом, оранжереи и др.) сохранилось, при этом «все дома и надворные постройки в полном порядке, не требуют никакого ремонта за исключением 2-х оранжерей, в которых требуется поправка печей и вставка нескольких стекол». В конце документа выражается недовольство наличием двух хозяев: «Официально дом занимает детская колония, которая причиняет большой вред. Дети без всякого присмотра опустошают огороды, сады и бьют стекла. По обещанию председателя земотдела означенная колония переводится в с. Бардово...». Рапорт заведующего военсовхозом «Алтун», относящийся к маю 1921 г., показывает, настолько в течение одного года ухудшилось состояние бывшей усадьбы: «Почти все помещения почти полностью разрушены, людей помещать негде. Зав. огородным хозяйством живет на расстоянии 2-х верст от хозяйства, но надо быть в имении, чтобы постоянно следить за работой» [19, л. 24; 20, л. 121].

Аналогичным было положение и в одном из лучших имений Великолукского уезда – «Старые липы», расположенном недалеко от Локни и принадлежавшем до революции Брянчаниновым. Великолепный двухэтажный дворец имел свыше 100 комнат, каждая из которых носила название – египетская, русская, французская, красная, белая и др., богатую библиотеку, картинную галерею, смотровые башенные площадки, парк раскинулся на площади 15 га, имелась большая оранжерея с экзотическими цветами из Франции... [21, с. 121]. Вся эта красота начала рушиться в 1917 г. «Разруха в помещичьих хозяйствах заметна еще больше, чем в крестьянских: там каким-то странным образом исчезает скот..», – писала в декабре 1917 г. газета «Псковский набат». – Взамен исчезнувшего сельскохозяйственного инвентаря в старых помещичьих гнездах совершенно неожиданно был найден «инвентарь военный», не имеющий ничего общего с нуждами сельского хозяйства. Так, у владельца богатейшего поместья «Старые липы» (оно же «Гора»)... в старом доме, состоявшем из 120 комнат, нашли беспроволочный телеграф и проволочный, нашли пулеметы и винтовки. Беспроволочный телеграф имеет связь с Петроградом» [11, 3 декабря]. Имение было признано «очагом контрреволюции», имущество усадьбы конфисковано, и в ней разместился санаторий для красноармейцев и рабочих, а затем был организован и совхоз. В 1922 г. один из авторов «Псковского набата» писал о бесхозяйственности в этом некогда процветающем имении: «Одно из лучших имений губернии – Старые липы Михайловской волости отведено под курорт и находится в ведении губздравотдела. Совхоз богатый, один многодесятичный фруктовый сад чего стоит, да только распоряжаются хозяйством неумелые руки, и на совхоз не глядели бы крестьянские глаза... Хозяйство ползет по швам и из здравницы тащут все, почем зря... Земля четвертый год навозу не видит» [14, 1 июня].

Такова была участь почти всех дворянских усадеб, лишившихся в 1917 г. хозяев и попавших в неумелые руки, для которых они представляли безликую «общественную собственность». В целом, подводя итоги ликвидации помещичьей собственности, член Коллегии Наркомзема А. Х. Митрофанов писал: «Ликвидация крестьянством помещичьего землевладения стоила государству громадных издержек в виде разгромленных имений, раздела культурных земель и инвентаря» [22, с. 13].

Тема дворянских усадеб и усадебной культуры в последние два десятилетия привлекает повышенное внимание исследователей, неизбежно касающихся и событий 1917 г. При этом наряду с глубоко научными работами появляется и немало поверхностных «поделок», как и эмоционально окрашенных спекуляций, ничего общего не имеющих с действительным положением дел. Так, «великий знаток» усадебной культуры Псковского края Н. Г. Розов, без зазрения совести, да к тому же и с многочисленными ошибками переписывающий изыскания других авторов, в течение 2004-2015 гг. четырьмя изданиями выпустил справочник «Ожерелье Псковской земли». Из одной книги в другую без всяких изменений кочует одна и та же мысль: «Взрыв страшной силы грянул вслед за октябрьским переворотом 1917 г. – началось планомерное и целенаправленное уничтожение усадебных комплексов, продолжающееся до наших дней. Поместья разоряли под лозунгом «Грабь награбленное!». Владельцы усадеб гибли, становились жертвами самосуда. Бунтующие крестьяне уничтожали то небольшое.., что напоминало о том, что Россия когда-то могла называться «культурной». В общем костре гибло все, что подавалось разрушению, – рвали, резали, били, ломали мебель, толкли в ступе фарфор... Причем помещичьи усадьбы бросились жечь и громить уже полвека спустя после отмены крепостного права, когда никакой эксплуатации крепостных и в помине не было, а многие крестьяне стали богаче помещиков» [23, с. 11].

При этом серьезных доказательств этим выводам автор не приводит, ограничившись лишь упоминанием о сожжении Пушкинских усадеб. Но как вытекает из цитируемых выше государственных документов, цели разрушения дворянских «гнезд» Советская власть не ставила, и плана их разрушения не имела, а что касается «толчения фарфора в ступе», то ни одного примера такого варварства «исследователь» опять же не назвал. Возможно, и было какое-то количество крестьян, живших «богаче помещиков» (что, впрочем, тоже сомнительно), но это отнюдь не заслоняет почти поголовной бедности основной массы крестьянства, что и вынуждало его брать помещичьи земли и имущество силой неорганизованного приказа. Усадьбы грабились и разорялись, как правило, в тех случаях, когда обеспечение их охраны и проведение описи по каким-либо причинам запаздывало, и тогда в действие вступала неорганизованная крестьянская стихия. Но при этом организованный учет и конфискация имений все же преобладали над случаями стихийного разгрома их крестьянами. Например, в целом по Новгородской губернии от разгромов пострадали всего около 6% имений, – с учетом и тех, которые имели место и в предоктябрьский период [24, с. 103]. По Псковской губернии эта доля, очевидно, была несколько большей, т.к. Новгородская губерния из всех северо-западных губерний была единственной, которая в годы Гражданской войны избежала вторжения извне, в то время как Псковская была полем ожесточенных сражений и в 1918-м, и в 1919 гг.

Вся драма заключалась в том, что в 1917 г. процесс разорения дворянских усадеб только начинался. За первыми «аграрными преобразованиями» последовало выселение в 1924-1927 гг. бывших владельцев и управляющих, естественное старение и обветшание усадебных построек, снос одних и постройка новых «хо-

зьявами» в лице колхозов, совхозов, МТС и др., Великая Отечественная война... Сегодня на просторах Псковщины, как и всей страны, можно видеть лишь «островки» и «осколки» исчезнувшей красоты.

Источники и литература

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 31.
2. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 35.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 1. 1917 – 1927 гг. – М. : Госполитиздат, 1957.
4. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917 – 1918 гг.: Сборник документов. – Псков: Изд. газ. «Псковская правда», 1957.
5. Иванов, С. А. Красный Октябрь на Псковщине / С. А. Иванов. – Л.: Лениздат, 1984.
6. Космачев, К. Н. Коммунистическая партия – руководитель социалистической революции в деревне (1918 г.) / К. Н. Космачев. – Смоленск, 1970.
7. 1917 год в деревне: Воспоминания крестьян. – М.: Политиздат, 1967.
8. 1917 год в деревне. – Л.: Госиздат, 1929.
9. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 14.
10. Газета «Псковский вестник». – 1918.
11. Газета «Псковский набат». – 1917.
12. Газета «Псковский набат». – 1919.
13. Газета «Псковский набат». – 1920.
14. Газета «Псковский набат». – 1922.
15. Волков, Ф. Г. Луначарский в Пушкинском заповеднике / Ф. Г. Волков // Луначарский А. В. Материалы и исследования. – Л., 1968.
16. Хозяйственный план на 1920/21 г.: Землеустройство и сельскохозяйственные мероприятия. – Псков, 1920.
17. Лацис, М. И. Советские хозяйства / М. И. Лацис. – М.-Л., 1926.
18. ГАПО. – Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 481.
19. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 3.
20. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 8.
21. Орлов, В. В. Исчезнувшая красота / В. В. Орлов // Материалы исторических чтений Великолуцкого городского краеведческого общества. – Великие Луки, 1995.
22. Митрофанов, А. Х. Революционное земельное законодательство 1917 – 1920 гг. / А. Х. Митрофанов // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – № 7.
23. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли: Дворянские усадьбы. Изд. 2-е. – Михайловское-Псков, 2008.
24. Государственный архив Новгородской области (ГАО). – Ф. 482. Оп.2. Д. 105.

1917 ГОД В СУДЬБЕ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РОМАНОВОЙ-КУЛИКОВСКОЙ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ В ПЕРИОД КРУШЕНИЯ ДИНАСТИИ?

О.В. Чуракова

Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова

Тема крушения монархии в России достаточно хорошо представлена в современной отечественной и зарубежной историографии, однако, и в ней немало исследовательских лакун. Так, до конца не изученными являются судьбы членов дома Романовых в роковом для них 1917 году (на начало года в семье было 32 представителя династии). Кроме того, даже в столь трагический для Романовых период в персональной истории венценосных особ были исторические казусы: